№ 20.— БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».—№ 20.

Е. Серебряковъ

ПОЛИТИКА И ОФИЦЕРЫ

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жизнь».

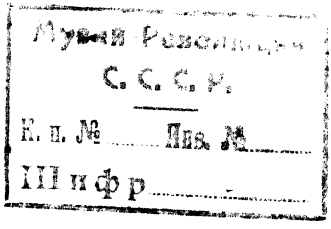
ЖЕНЕВА.
Типографія «Жизни».
1902.

„Прав 49"

564
29

Политика и офицеры

Въ настоящее время во всемъ мірѣ идетъ борьба демократіи противъ стараго режима, держащагося насиліемъ. Одной изъ главныхъ опоръ этого режима, этого насилія является армія. Во Франціи, въ странѣ свободы печати и слова, постепенно открываются глаза у населенія на то, что представляетъ изъ себя такъ называемое «почетное» военное сословіе. Для общества и народа становится яснымъ, что армія, организованная на началахъ, выработанныхъ монархическимъ режимомъ, не есть защитница народа, а угнетательница его, что она является опорой всякой реакціи, всякаго угнетенія, что она составляетъ государство въ государствѣ, имѣетъ какіе то свои интересы, свои нравы, свои обычаи, которые противопоставляетъ интересамъ, нравамъ и обычаямъ народа, и ради которыхъ она готова предать его въ руки любого императора или диктатора. Но во Франціи борьба начата, и нужно надѣяться, свободный французскій народъ сумѣетъ превратить свою армію изъ угнетательницы народа въ слугу его.

Если во Франціи армія играетъ еще такую крупную роль во внутреннихъ вопросахъ страны, то тѣмъ болѣе велика эта роль въ такихъ деспотическихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ нѣтъ ни свободной печати, ни свободнаго слова, гдѣ абсолютная монархія держится самымъ грубымъ насиліемъ.

Подъ арміей, разсматривая ее, какъ политическую силу, нельзя подразумѣвать весь ея личный составъ. Политическая роль арміи главнымъ образомъ зависитъ отъ состава, развитія и политическаго пониманія ея руководителей, т. е. офицеровъ, а потому всѣ стремленія правительства направлены къ тому, чтобы съ одной стороны привязать къ себѣ офицеровъ разными привилегіями и

преимуществами, съ другой—воспитаніемъ внушить имъ извращенныя понятія о долгѣ и чести, выработать среди нихъ корпоративный духъ, благодаря которому они, ради даже самыхъ мелкихъ корпоративныхъ предразсудковъ, способны совершать самые возмутительные поступки, которыхъ не совершитъ человѣкъ даже ниже средняго нравственнаго уровня, не подвергавшійся гипнозу военщины.

Главными лозунгами, во имя которыхъ требуется отъ офицеровъ выполненія ихъ далеко некрасивой роли внутри страны, служатъ: защита престола и отечества, святость присяги, охраненіе порядка и законности, честь мундира и прочее и во главѣ всего—воспрещеніе заниматься политикой, которая самимъ офицерствомъ въ большинствѣ случаевъ признается несоотвѣтствующей офицерскому званію, даже—позорной. Съ этого мы и начнемъ нашу бесѣду съ офицерами, посмотрѣвъ раньше, какую роль играютъ они въ арміи.

I

Офицеръ есть учитель и руководитель солдатъ—свободныхъ людей поступившихъ не по желанію, а взятыхъ насильно на службу. Чему онъ ихъ учитъ? Кромѣ чисто военно-техническихъ пріемовъ и искуства владѣть оружіемъ, онъ всѣми способами, въ которыхъ выдающуюся роль играютъ насиліе и тѣлесныя наказанія*), старается внушить этимъ свободнымъ людямъ спеціальную военную нравственность.

Въ чемъ же состоитъ эта нравственность?— Въ безусловномъ повиновеніи начальству и полномъ отреченіи отъ своей личности. Если солдату прикажутъ разстрѣлять своего товарища и друга за то или другое нарушеніе дисциплины, онъ долженъ исполнить это безпрекословно; если его приведутъ въ родную деревню, гдѣ его отецъ

*) По закону каждый ротный командиръ имѣетъ право наказывать 15 ударми розгъ всякаго солдата, состоящаго въ разрядѣ штрафованныхъ. На сколько легко попасть въ ряды штрафованныхъ, можно судить изъ того, что иногда бываютъ роты, въ которыхъ до 30% солдатъ состоитъ въ разрядѣ штрафованныхъ. По полковому суду каждый солдатъ можетъ быть наказанъ до 100 ударовъ розгами. Но помимо закона ежедневно солдатъ бьютъ и унтеръ-офицеры, и офицеры. И это считается самымъ простымъ, обыкновеннымъ дѣломъ.

и мать. для экзекуціи и усмиренія, онъ долженъ совершать экзекуцію и усмирять; будутъ ли разгонять раскольниковъ, закрывать католическіе костелы, солдаты-раскольники и католики должны совершать это. Для солдатъ не должно существовать ни религіи, ни родныхъ, ни друзей, все должно исчезнуть передъ приказаніемъ начальника. Всякое ослушаніе въ строю во время производства войсками какихъ-бы то ни было гнусныхъ насилій, наказывается самымъ жестокимъ образомъ, до смертной казни включительно.

Русскій солдатъ не долженъ имѣть чувства собственнаго достоинства. Если офицеръ будетъ бить его по лицу или оскорблять инымъ какимъ образомъ, то солдатъ не имѣетъ права ни защититься, ни уйти отъ оскорбленій, ни даже просить объ ихъ прекращеніи. Если солдатъ инстинктивно схватитъ офицера, который хочетъ его ударить, за руку, чтобы остановить ударъ, то пойдетъ въ арестантскія роты; если же дѣло происходило во фронтѣ, то и того хуже.

Пожаловаться на жестокое и беззаконное обращеніе солдатъ можетъ *только* разъ въ годъ на инспекторскомъ смотру и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, при опросѣ претензій; но и тутъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, начальство находитъ виновнымъ того же солдата, и его же наказываютъ. Каждый шагъ, каждый поступокъ солдата регламентированъ: онъ всецѣло и всечасно находится подъ контролемъ и въ распоряженіи своего начальника, а потому не мудрено, что уже черезъ годъ солдатъ совершенно гипнотизируется и превращается въ слѣпое орудіе своего начальника. Трудъ офицера увѣнчался успѣхомъ;—онъ убилъ все, что составляетъ въ человѣкѣ достоинство, онъ превратилъ его въ машину.

Скажите господа офицеры, вся эта жестокость, (не говоря уже о злоупотребленіяхъ), все это заколачиваніе солдата—нужны ли для военной техники? Вѣдь каждому изъ васъ извѣстно, что современная тактика, въ которой первенствующую роль играетъ стрѣлковый бой, требуетъ отъ солдатъ совсѣмъ другихъ качествъ, а именно: находчивости, сообразительности, *сознательнаго**) исполненія приказаній начальника и главнымъ образомъ извѣстной доли воодушевленія, а потому для военныхъ дѣйствій нужна совсѣмъ другая дисциплина; многіе изъ васъ знаютъ, что во время

*) Смотри руководство по тактикѣ Драгомирова.

войны въ большинствѣ случаевъ ближайшіе къ солдатамъ начальники рѣзко мѣняютъ свое съ ними обращеніе, переходя отъ жестоко-начальническаго тона къ мягко-отеческому, ибо начинаютъ сознавать что съ людьми-машинами, въ душѣ ненавидящими своего начальника, много не сдѣлаешь, да и боязнь пули изъ своихъ рядовъ во время перестрѣлки играетъ не малую роль.

Вся эта жестокая дисциплина нужна только для того, чтобы приготовить изъ солдата слѣпое политическое орудіе внутри страны, и посредствомъ него держать въ угнетеніи народъ. Вы, господа офицеры, заколачивая солдата, куете цѣпи для народа! Отвѣтственность за ту или другую политику несете вы!

II

Офицеру говорятъ, что онъ не долженъ заниматься политикой, и не только ему говорятъ, но и самъ онъ въ большинствѣ случаевъ это утверждаетъ. Какъ же такъ? Онъ долженъ бороться противъ внутреннихъ враговъ и бороться не только самъ лично, а еще вести сотни и тысячи обезличенныхъ при его содѣйствіи людей. Какъ же онъ поведетъ ихъ, не зная, кто эти враги?

Онъ ведетъ солдатъ и для прекращенія стачки на той или другой фабрикѣ, и для усмиренія и экзекуціи той или другой возставшей деревни, и для насильнаго обращенія раскольниковъ и сектантовъ въ православіе, и для закрытія католическихъ костеловъ, армянскихъ школъ и проч. Онъ же со своими солдатами разгоняетъ толпы недовольныхъ рабочихъ и интелигентовъ; онъ же караулитъ и конвоируетъ въ Сибирь политическихъ арестантовъ. Долженъ же онъ знать, враги ли отечества всѣ они или нѣтъ?

Вѣдь для того, чтобы, находясь на службѣ, дѣйствительно не вмѣшиваться въ политику, дѣйствительно быть нейтральнымъ, офицеръ долженъ былъ бы стремиться поставить армію на ея настоящее мѣсто—быть только защитницей отъ нападающаго врага, т. е. фактически активно препятствовать вмѣшательству арміи, какъ организованной силы, въ распри и споры между гражданами т. е. онъ долженъ былъ бы быть готовъ къ открытому возмущенію противъ своихъ начальниковъ. Но это еще не все. Армія состоитъ изъ солдатъ взятыхъ насильно. Но вѣдь эти

люди, насильно взятые въ армію, не отказались отъ своихъ гражданскихъ правъ, потому офицеръ, желающій быть дѣйствительно нейтральнымъ, обязанъ былъ бы не только противиться употребленію арміи въ пользу той или другой стороны, но онъ не имѣлъ бы права препятствовать своимъ подчиненнымъ пользоваться ихъ правами свободныхъ людей, а слѣдовательно ихъ правомъ пристать къ той или другой сторонѣ, согласно склонности каждого, а потому при всякомъ внутреннемъ столкновеніи армія должна была бы фактически прекращать свое существованіе. Все это, конечно, абсурдъ, все это вполнѣ невозможно въ настоящее время, а потому говорить объ офицерскомъ нейтралитетѣ—нелѣпо. А говорить офицеру, что не его дѣло интересоваться политикой—безчестно.

Онъ есть главное звено той цѣпи, которою стягиваютъ народъ; онъ—активный и сознательный членъ той организаціи, при помощи которой поддерживается тотъ или другой режимъ, тотъ или другой порядокъ,—будетъ умывать руки, говоря, что его не интересуетъ политика. При нынѣшней организаціи общества, офицеръ, болѣе чѣмъ кто, играетъ политическую роль, а потому, онъ долженъ понимать, что онъ дѣлаетъ и долженъ пристать къ той или другой партіи. Если онъ консерваторъ или реакціонеръ, то будетъ сознательно поддерживать нынѣшній режимъ. Онъ это дѣлаетъ и теперь. И не запрещается и не считается несоотвѣтственнымъ офицерскому званію провозглашать громко, что самодержавіе есть лучшая для Россіи форма правленія, что либералы, революціонеры и проч.—враги Россіи и т. п. Несоотвѣтствующимъ офицерскому званію признается только сочувствіе народу и обществу; позорнымъ для офицера считается быть защитникомъ свободы и правъ гражданъ.

Но вѣдь армія имѣетъ въ своей средѣ не однихъ консерваторовъ и реакціонеровъ. Какъ по своему образованію, такъ и по развитію офицерство стоитъ на довольно высокомъ уровнѣ. И вотъ для того, чтобы положить узду на лучшую и на болѣе интелегентную часть его, и внушается офицеру, что ему не слѣдуетъ заниматься политикой. Быть политическимъ орудіемъ и не заниматься политикой — болѣе позорной роли нельзя придумать.

Нѣтъ, пора офицерамъ понять это, пора имъ сдѣлаться взрослыми, сознательными людьми, пора научиться понимать, что они дѣлаютъ, и умѣть отвѣчать за свои

поступки! Стыдно человѣку высшаго и средняго образованія оправдываться передъ своею совѣстью тѣмъ, что онъ исполнялъ приказаніе полковника, генерала, а иногда просто частнаго пристава, исправника или станового. Что это за непогрѣшимые авторитеты, во имя которыхъ можно бить, стрѣлять, разорять и производить всяческія насилія надъ своими согражданами? Нѣтъ, господа, пора вамъ понимать, что вы дѣлаете, и если вамъ приходится играть роль палачей, такъ будьте готовы носить имя палачей. Отъ этой позорной клички не спасутъ васъ ни авторитетъ станового пристава, ни толстые эполеты генерала.

Много толкуютъ о присягѣ на вѣрность престолу. Но во первыхъ теперь, подъ наблюденіемъ полиціи и той же арміи, къ присягѣ приводятъ насильно всю Россію, а посему, если бы ей стали придавать желательные для царя смыслъ и значеніе, то всѣ обитатели Россіи превратились бы въ стадо барановъ, отказавшихся отъ своихъ правъ. Во вторыхъ сами цари, менѣе чѣмъ кто бы то ни было, придаютъ значеніе данной присягѣ на вѣрность: Анна Ивановна присягнула конституціи и сейчасъ-же уничтожила ее; Елизавета Петровна присягнула Ивану VI и посадила его въ крѣпость; Екатерина II присягнула своему мужу Петру III и удавила его; Александръ I присягнулъ отцу и далъ свое согласіе на его низверженіе (хотя, какъ утверждаютъ, не на убійство); Николай I присягнулъ Константину и на другой день вступилъ на престолъ. Втретьихъ и сама присяга двусмыслена. Присягаютъ царю и отечеству —ну, а если царь врагъ отечества, если онъ губитъ его, что тогда дѣлать? Русскіе офицеры не опричники Ивана IV, они должны ясно понять, что служить они обязуются именно отечеству, т. е. всему народу, ибо не могутъ же они понимать подъ отечествомъ только людей обшитыхъ галунами, а потому и всѣ эти толки о присягѣ для офицера, давшаго себѣ трудъ вдуматься въ свою роль въ государствѣ, не могутъ имѣть серьезнаго значенія и служить оправданіемъ производимыхъ надъ народомъ насилій.

Честь мундира? Объ этомъ даже стыдно и говорить. Кавалергардъ, поѣхавшій на лихачѣ или на верху трамвая, мараетъ честь мундира; офицеръ, несущій тяжелый пакетъ, мараетъ ее; капитанъ Басарба, перестрѣлявшій неповинныхъ арестантовъ, генералъ Клейгельсъ, избив-

ній нагайками студентовъ. фонъ-Валь. наслаждавшійся зрѣлищемъ сѣченія демонстрантовъ въ Вильнѣ и проч.— не марають мундира; офицеръ, командующій солдатами во время истязанія крестьянъ розгами. пишущій политическіе доносы на товарищей. избивающій до крови солдатъ. тиранящій деньщиковъ. пьянствующій и разбивающій публичные дома —не мараетъ мундира. А офицеръ, говорящій о злоупотребленіяхъ въ арміи. берущій сторону солдатъ, выражающій негодованіе насиліямъ правительства и проч. — мараетъ мундиръ. и такъ далѣе. все въ томъ же родѣ: гдѣ насиліе, самоуправство — тамъ честь мундира не затронута. Гдѣ гуманность. протестъ противъ гнета, или проявленіе интеллигентной мысли—тамъ честь мундира въ опасности.

Но нужно отдать справедливость русскимъ офицерамъ, —въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не горячіе поклонники мундирной чести; приверженцы ея по большей части или карьеристы, или бутылочная компанія, или бурбоны. Въ общемъ русскіе офицеры добродушный и честный народъ и дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ частью по рутинѣ, по привычкѣ. а частью по вкоренившемуся предразсудку о фиктивномъ нейтралитетѣ арміи и несоотвѣтствіи для офицера заниматься политикой. Но этотъ предразсудокъ постепенно разрушается, и можно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ офицерство призадумается надъ своей ролью въ государствѣ. А разъ оно призадумается, то нельзя сомнѣваться. въ какую сторону пойдутъ лучшіе его элементы.

III

Всякій порядочный офицеръ, разъ онъ отрѣшится отъ предразсудка о фиктивномъ нейтралитетѣ арміи. волей-неволей задумается надъ своимъ положеніемъ, надъ той ролью, которую онъ играетъ въ государствѣ. А разъ онъ задумается надъ этимъ, то сейчасъ же пойметъ, что онъ не пассивный зритель. а активный участникъ въ дѣлѣ внутренней политики и болѣе чѣмъ кто бы то ни было, отвѣтственъ за горе и страданія, причиняемыя тѣмъ или другимъ дурнымъ правительствомъ. Онъ ясно увидитъ, что дурные и хорошіе законы, хотя пишутся не имъ. но это онъ, офицеръ, заставляетъ имъ повиноваться. И

всего болѣе должно его поразить то, что хорошій законъ, справедливая мѣра, гуманное правительство никогда въ немъ не нуждаются, тамъ онъ совершенно лишній. И наоборотъ, чѣмъ хуже законъ, чѣмъ гнуснѣе несправедливость, чѣмъ безобразнѣе правительство, тѣмъ энергичнѣе его вмѣшательство, тѣмъ активнѣе его роль.

Къ этому заключенію приведутъ его не теоретическія разсужденія, а сама жизнь, сама его дѣятельность. Дѣйствительно, въ какихъ случаяхъ призываются войска къ дѣйствію внутри страны?

Въ настоящее время мало-мальски образованный офицеръ, при помощи даже легальной прессы, можетъ ясно видѣть, что положеніе фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ чрезвычайно бѣдственно. Имъ при весьма тяжеломъ ежедневномъ трудѣ еле хватаетъ на прокормленіе. Они вѣчно живутъ подъ страхомъ голодной смерти, малѣйшее измѣненіе въ цѣнахъ на продукты, пониженіе заработной платы, усиленіе платы и т. п., ставятъ рабочаго въ безвыходное положеніе. Онъ и семья его должны жить и работать впроголодь. И вотъ по тому или другому изъ вышеупомянутыхъ поводовъ рабочіе требуютъ отъ хозяина или увеличенія платы, или отмѣны тѣхъ или другихъ тяжелыхъ правилъ фабрики. Хозяинъ отказываетъ — рабочіе прекращаютъ работу. Призывается военная сила, производятся аресты, дѣлаются разныя прижимки рабочимъ, чтобы принудить ихъ отказаться отъ своихъ требованій. Если же рабочіе собираются для того, чтобы обсудить сообща свое дѣло, то войска ихъ разгоняютъ, при чемъ употребляется и огнестрѣльное оружіе. Бываютъ убитые и раненные. Фабрикантъ же въ тоже самое время можетъ свободно совѣщаться со своими компаніонами и помощниками, и ему не только никто не мѣшаетъ, но въ этихъ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе и представители правительства, и начальники военныхъ командъ. Цѣль этихъ совѣщаній всегда одна и таже,—заставить рабочихъ безусловно подчиниться фабриканту.

Но бываютъ и обратные случаи. По тѣмъ или другимъ причинамъ, для пониженія ли платы, или вслѣдствіе застоя на рынкѣ, хозяинъ завода или фабрики находитъ нужнымъ выбросить на улицу нѣсколько сотъ рабочихъ и тѣмъ осуждаетъ ихъ на долгіе мѣсяцы голодовки. Опять призываются войска. На этотъ разъ для чего? Конечно, не для защиты выгоняемыхъ рабочихъ, а опять

для того же—принудить рабочихъ безропотно и безпрекословно подчиниться распоряженію хозяина.

Разоренные крестьяне не въ состояніи платить податей, арендной платы или долговыхъ обязательствъ кулаку, помѣщику и т. п. Пріѣзжаетъ становой продавать ихъ имущество и скотъ. Крестьяне не даютъ, они знаютъ что безъ скота они и ихъ семьи осуждены на погибель. Призывается войско, раздаются ружейные выстрѣлы, не мало убитыхъ и раненныхъ, потомъ появляются на сцену розги поголовно сѣкутъ молодыхъ и стариковъ, а иногда даже и женщинъ.

Какой нибудь кулакъ-помѣщикъ оттягалъ, благодаря обману и судейскимъ хитростямъ, (какъ это сдѣлалъ напр. бывшій министръ, покойный графъ Толстой) крестьянскую землю и желаетъ вступить во владѣніе. Крестьяне сопротивляются. Опять войска, опять экзекуція, опять убитые и раненные.

Полупьяный земскій начальникъ жестокостями и несправедливостями доводитъ крестьянъ до отчаянія. Тѣ собираются толпой для того, чтобы выразить протестъ или написать жалобу. Опять войска, опять экзекуція и т. д.

А между тѣмъ не разъ послѣ этихъ экзекуцій дѣло доходило до суда. Обвиняемыми, конечно, были крестьяне. На судѣ выяснялось, что крестьяне были правы, что дѣйствительно помѣщикъ, подобный Толстому, несправедливо оттягалъ землю. Что земскій начальникъ былъ или алкоголикъ, или полусумашедшій, или непомѣрно жестокій человѣкъ, и что все преступленіе крестьянъ состояло только въ томъ, что они хотѣли подать жалобу. И въ первомъ И во второмъ случаѣ даже русскій судъ оправдываетъ крестьянъ. Но что же дальше? Никому не приходитъ, въ голову чѣмъ нибудь вознаградить пострадавшихъ обезпечить женъ и дѣтей убитыхъ. А истиннымъ виновникамъ всѣхъ этихъ ужасовъ дѣлается выговоръ и многомного, если отрѣшеніе отъ должности.

Раскольники, не желающіе посѣщать православной церкви, устроили свою молельну; это вредитъ интересамъ мѣстнаго попа, уменьшая его доходы. Онъ пишетъ доносъ пріѣзжаетъ полиція закрыть молельню, раскольники не соглашаются. Опять войска, опять экзекуція.

Какой нибудь архіерей, желая отличиться, доноситъ о томъ, что такіе то уніаты приняли православіе. Получается распоряженіе превратить костелъ въ православную

церковь. Крестьяне-уніаты сопротивляются. Опять войска, опять экзекуція.

Наиболѣе чуткіе, наиболѣе нравственные изъ крестьянъ ищущіе правды, воспринимаютъ ученіе той или другой раціоналистической секты, перестаютъ посѣщать церковь. Поповскіе интересы страдаютъ. Опять доносы, опять войска, опять экзекуція.

Студенты, оскорбленные въ своемъ чувствѣ человѣческаго достоинства собираются, чтобы подать коллективную жалобу или протестъ, или просто идутъ по улицѣ толпою, какъ въ послѣднемъ случаѣ въ Петербургѣ. Призываются казаки, начинается избіеніе нагайками, топтанье лошадьми и т. п.

Вотъ въ этихъ и подобныхъ этимъ случаяхъ призываются войска для дѣйствія во внутренней политикѣ. И такъ на самомъ дѣлѣ офицеръ можетъ убѣдиться, всегда противъ угнетенныхъ и обездоленныхъ въ пользу угнетателей и богатыхъ, противъ обманутыхъ и ограбленныхъ въ пользу обманщиковъ и грабителей. Противъ огромнаго большинства населенія въ пользу ничтожнаго меньшинства.

Отдавая себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, офицеръ ясно поймётъ, что онъ не защитникъ и охранитель отечества, а просто грубое, слѣпое орудіе угнетенія въ рукахъ шайки ренегатовъ, окруженный толпой хищниковъ и грабителей, захватившей въ свои руки власть, преслѣдующей только свои личные интересы, разворяющей и грабящей народъ. Присматриваясь далѣе, онъ убѣдится въ томъ, что и весь настоящій режимъ есть режимъ насилія, опирающійся на армію, и если бы постоянная армія не существовала, или могла бы тѣмъ или другимъ способомъ совершенно быть устранена отъ вмѣшательства въ политику, то вся эта система насилія не могла бы существовать.

Подобное открытіе, несомнѣнно, приведетъ его къ тому, что онъ долженъ будетъ выбрать одно изъ двухъ: быть ли ему дѣйствительнымъ защитникомъ народа и правъ его, или пассивнымъ слугою деспотизма, насилія и самоуправства. Кто выберетъ второе, тотъ самъ подписалъ себѣ приговоръ, тотъ сознательно принялъ на себя роль палача и жандарма. О немъ нечего говорить. Но тотъ, кому противна эта роль, кто дѣйствительно честный, порядочный человѣкъ.—что ему дѣлать? Если онъ слабъ и неспособенъ къ энергической дѣятельности, ему остается

одно: сбросить позорную царскую ливрею и найти себѣ другое, болѣе честное и полезное дѣло. Но всякому болѣе или менѣе сильному и рѣшительному офицеру, который дѣйствительно любитъ свою страну, свой народъ, предстоитъ другая роль: онъ долженъ вырвать изъ рукъ правительства эту организованную силу и передать ее на служеніе народу, онъ неизбѣжно долженъ сдѣлаться революціонеромъ.

IV

Какое значеніе можетъ имѣть офицеръ, рѣшившій быть всегда готовымъ стать на сторону народа противъ его притѣснителей—офицеръ-революціонеръ?

Офицеръ-революціонеръ имѣетъ на столько же важное значеніе для защиты народныхъ правъ, для дѣла народнаго освобожденія, на сколько армія имѣетъ значеніе для его угнетенія—вѣрнѣе даже больше, ибо три-четыре энергичныхъ офицера въ полку могутъ въ рѣшительную минуту парализовать цѣлый полкъ, выведенный противъ возставшаго народа, — тогда какъ заставить солдатъ стрѣлять въ народъ можно только при полномъ, хорошо дисциплинированномъ составѣ офицеровъ. Вообще при народныхъ возстаніяхъ очень трудно удерживать войска въ должной дисциплинѣ и, наоборотъ, чрезвычайно легко разстроить эту дисциплину, такъ что всякій офицеръ рѣшившій не допускать армію играть роль угнетателя страны, представляетъ уже серьезную силу. Всякому же офицеру, желающему работать для дѣла народнаго освобожденія, открывается возможность внести крупный вкладъ въ это дѣло.

Кромѣ непосредственнаго дѣйствія въ рѣшительную минуту, офицеръ-революціонеръ имѣетъ немалое значеніе и своими вліяніемъ на окружающую среду. Въ большинствѣ случаевъ, какъ мы уже сказали ранѣе, наше офицерство добрый и честный народъ, дѣйствующій по рутинѣ, по привычкѣ, не имѣющій опредѣленныхъ убѣжденій, а потому присутствіе въ ихъ средѣ людей, ясно понявшихъ безобразіе нынѣшняго правительства и роль, которую играетъ армія и офицеры, несомнѣнно, произведетъ вліяніе на большинство изъ нихъ. И если это большинство и не перейдетъ на сторону народа, то во всякомъ

случаѣ будетъ настолько колеблющееся, что въ рѣшительную минуту можетъ оказаться совершенно пассивнымъ.

Антиправительственное движеніе среди офицерства, несомнѣнно, произведетъ сильное вліяніе и на общество, и на революціонную партію, ибо какъ та, такъ и другая часто парализуются въ выборѣ способовъ дѣйствія противъ правительства представленіемъ о невозможности активной открытой борьбы съ правительствомъ, имѣющимъ вѣрную милліонную армію. Разъ же вѣрность этой арміи станетъ сомнительной, то это придастъ энергію какъ обществу, такъ и революціонерамъ.

Антиправительственное движеніе среди офицеровъ не останется безъ вліянія и на само правительство. Поскольку оно усилитъ энергію среди революціонныхъ и другихъ опозиціонныхъ элементовъ, постольку же оно ослабитъ энергію правительства, вызвавъ неувѣренность и нерѣшительность, какъ въ немъ самомъ, такъ въ особенности среди исполнителей его воли чиновниковъ и проч., между которыми не малое число людей, далеко не приверженныхъ ему.

Развѣ осмѣлилось бы правительство, какъ напр. въ настоящее время, беззастѣнчиво исключать тысячами студентовъ и сотнями заключать ихъ въ тюрьмы, производить насиліе надъ финляндской конституціей, кровавыя расправы надъ стачечниками и демонстрантами, какъ напр., въ Ригѣ, Вильнѣ, Петербургѣ и проч. и насмѣхаться надъ требованіями земства? Развѣ осмѣлилось бы оно усчитывать куски хлѣба, которые даются милліонамъ умирающаго съ голода народа и т. п., если бы не было увѣрено въ вѣрности арміи?

Теперь по всей Россіи крайнее раздраженіе всѣхъ классовъ населенія противъ правительства; всѣ задыхаются въ обстановкѣ, созданной самодержавіемъ; годъ отъ году становится тяжелѣе жить; годъ отъ году все болѣе раззоряется народъ;—всѣ чувствуютъ, что необходимо уничтожить возможно скорѣе режимъ насилія и самоуправства.

Но правительство всѣмъ этимъ мало интересуется; оно хорошо знаетъ, что имѣя вѣрную армію, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, ему легко подавить всякій протестъ въ самомъ началѣ. Но, разъ увѣренность правительства въ арміи будетъ поколеблена, правительство волей-неволей пойдетъ на уступки; общество и революціонеры будутъ все энергичнѣе и энергичнѣе вести наступательную войну;

народныя волненія, не встрѣчая со стороны арміи энергичнаго отпора, будутъ все разростаться и разростаться. И немного пройдетъ времени, какъ подгнившій режимъ самодержавія рухнетъ.

V

Разъ офицеръ понялъ свой долгъ передъ родиной, свою роль и свое положеніе, то совершенно естественно онъ долженъ стремиться найти единомышленниковъ и друзей среди окружающихъ его сослуживцевъ. Само собою ясно, что ему необходимо сгруппировать возможно лучше подобранныхъ товарищей для того, чтобы достигнуть своей цѣли—въ рѣшительную минуту перевести полкъ или батальонъ на сторону народа, или по меньшей мѣрѣ парализовать его.

Группировка среди офицерства чрезвычайно легка, ибо оно всегда живетъ кружками, естественно создающимися благодаря различію склонностей и привычекъ офицеровъ того же полка, батареи, экипажа и проч... Есть кружки собутыльниковъ-кутилъ, служакъ-карьеристовъ, интеллигентные, а то просто дружескіе и товарищескіе по выпуску и проч. Такъ что жизнь болѣе или менѣе тѣсными кружками, не нова для офицеровъ, а потому группировка революціонныхъ кружковъ легко возможна. Правительство въ данномъ случаѣ вполнѣ безсильно что нибудь сдѣлать, ибо всякая съ его стороны серьезная попытка вмѣшательства во внутреннюю жизнь офицерства отравитъ послѣднему и безъ того часто не веселую и не легкую жизнь; вызоветъ озлобленіе и раздраженіе, что, конечно, принесетъ правительству громадный вредъ и никакой пользы. Всякія усиленныя мѣры шпіонства тоже совершенно противны духу войска, ибо онѣ вносятъ въ офицерскую среду взаимное недовѣріе, взаимное раздраженіе и вполнѣ разрушаютъ товарищеское единство среди офицеровъ, — что подрываетъ боевую способность полка, какъ внутри, такъ и внѣ страны.

Сгруппированные между собою офицеры-друзья народа —очень скоро могутъ представлять изъ себя силу, способную парализовать дѣйствіе арміи въ пользу существующаго режима; при благопріятныхъ обстоятельствахъ они смогутъ сдѣлать и болѣе. Разъ революціонная организація среди офицеровъ всей Россіи или того или другого

округа достигнетъ серьезныхъ размѣровъ, то при первомъ благопріятномъ случаѣ, такъ напр. народное возстаніе или бунтъ, офицерство сможетъ нанести рѣшительный ударъ правительству, если это происходитъ въ столицѣ, прямо отнявъ отъ него власть и передать ее въ руки народа, или если это въ той или другой провинціи, оно такимъ же образомъ можетъ дать возможность поднявшемуся народу овладѣть провинціей и тѣмъ положить начало общему возстанію въ Россіи. Примѣровъ отнятія власти у правительства путемъ военнаго заговора не мало въ русской исторіи. Кто знакомъ съ исторіей декабристовъ, тотъ знаетъ какъ легко имъ было бы отнять власть у Николая: причины же ихъ неудачи заключались въ ихъ нерѣшительности, въ отсутствіи хорошо составленнаго плана дѣйствія, въ несогласіи между самими заговорщиками, а никакъ не въ силѣ правительства. Для лишенія престола Петра III потребовалось всего нѣсколько рѣшительныхъ офицеровъ и полкъ солдатъ. Вступленіе на престолъ Елизаветы совершилось также при помощи только одного полка.

Правительство опирается единственно только на постоянную армію, а потому, совершенно естественно, офицеръ желающій освобожденія народа, долженъ стремиться отнять эту силу отъ правительства, парализуя ея дѣйствіе и стараясь перевести ее на сторону народа.

Безъ арміи правительство безсильно, разъ армія хоть отчасти отвернется отъ него, то весь этотъ режимъ насилія и самоуправства немедленно развалится.

